

За вагонным окном проплыл перрон с прожегающими, замелькали городские постройки, поезд прогромыхал по мосту через Иртыш. Путешествие к морю, к этой огромной чаше, наполненной отвратной на вкус, но такой желанной водой, началось. В экзотическом крае звучала музыка прибора, дышал йодированным воздухом безбрежный простор, царили праздность, беззаботность. Ещё один состав с сибиряками (в пятнадцати вагонах не было ни одного свободного места) отправился за две с лишним тысячи километров к стихии волн, горячих пляжей, стройных кипарисов.

– Трое суток тащиться, – вздохнула женщина в одном из купе. Она только что рассредоточила два чемодана и три серьёзные сумки. Объёма рундука под сиденьем не хватило, пришлось сумки забрасывать в багажное отделение на втором уровне. На вид обладательница этих сумок и чемоданов относилась к предпенсионному возрасту, в меру упитанная, в меру следящая за собой.

Купе подобралось сугубо женским. Ещё одна из его представительниц, тоже не девичьих лет, в ответ на реплику о предстоящем трёхсуточном томлении уверенно произнесла:

– Девочки, не стонать! Я ездить умею! Скучно, это я вам гарантирую, не будет!

Две другие обитательницы купе были особами примерно одного возраста – около тридцати. Одна из них с короткой стрижкой и длинными ногами тут же забралась на верхнюю полку, её только-только хватило, чтобы пассажирке не упереться пятками в перегородку.

Женщина, которая объявила, что с ней скучно не будет, предложила познакомиться и назвалась первой:

– Меня зовут Людмилой, можно и нужно по-домашнему – Люся.

И всех она переделала «по-домашнему». Забравшаяся на верхнюю полку стала Томсиком, вторая молодая женщина из Лены превратилась в Ленчика, Марию, что везла массу сумок и чемоданов, перекрестила в Мусю. Всю дорогу Людмила так и звала попутчиц. В её устах производные имён звучали мило, автор, тем не менее, оставил в повествовании одну «Люсю», остальных

героинь решил называть ближе к паспортным данным.

– Девочки, – переодевшись в бриджики и футболку, обратилась к попутчицам Люся, – мужчин среди нас нет, можно возраст не скрывать. Мне шестьдесят и чуть-чуть. Сколько чуть-чуть не суть важно, на шпагат уже не сяду, но кое-что могу сплести из своих ног.

Дабы попутчицы не заподозрили в хвастовстве, тут же продемонстрировала «кое-что», села на полке в полноценную позу лотос.

– Ничего себе, – воскликнула Мария, – мне пятьдесят два, так не сделаю, да и вообще никогда не могла.

Тамара свесила голову с верхней полки, разглядывая Люсины гимнастические возможности, бросила:

– Класс!

– Мне двадцать девять, – добавила к восхищениям Лена, – но тоже так не решусь.

На шестьдесят с «чуть-чуть» Люся не выглядела. Была аккуратных форм, вся в движении. Где-то внутри её ладной фигуры находилась чуждая состоянию покоя пружина, которая постоянно требовала динамики, процессов сжимания и разжимания.

– Хотя мужчин нет, – добавила к автобиографическим данным Люся, – скажу честно: на данный момент не замужем, но замуж выходила и выходить буду!

Мария ехала к родственникам под Сочи, Тамара – в санаторий, Люся – к знакомым, кареглазая, изящных форм Лена впервые в жизни отправилась в пансионат на морском побережье.

Люся тут же начала претворять в жизнь принцип нескучной поездки:

– Девочки, какое главное развлечение в поезде? Правильно – люблю повеселиться, особенно поест.

Тамара пыталась в разрез предложенной программы вставить своё «не голодна», но её быстро уломали. Вскоре стол был уставлен разносолами. Лена предложила сходить за чаем, однако Люся категорично пресекла благородный порыв попутчицы:

– Стоять! Чай он и в Африке несерьёзный напиток, а лучше водки хуже нет! – и достала из чемодана бутылку лёгкого

светлого вина и металлические стаканчики походного назначения.

Водрузила ёмкость на стол:

– За знакомство по пять капель не помешает.

Тамара снова попыталась отказаться, но «умеющая ездить» Люся не хотела ничего слышать.

Она не приукрасила своих способностей, на самом деле была профессиональной пассажиркой – скучать нашему купе не пришлось. Как известно, железная дорога славится коробейниками. Каких только товаров не носили по вагонам. Наше купе ко всему приценивалось, всё, что требовалось примерять – шали, халаты, вязаные кофточки – примеряло. Люся, к примеру, накинув лёгкую, аки пух, из козьего меха косынку, крутилась перед зеркалом.

– Девочки, девочки, посмотрите, идёт? – призывала она в эксперты попутчиц.

Каждая вещь обсуждалась. Лена тоже оказалась любительницей примерок.

– Муж ругается, – делилась своей слабостью, – а я, бывает, могу часами ходить по магазинам без определённых целей, ради просто посмотреть. Что-то примерю, пообсуждаю с продавщицами.

Так и действовали с Люсей – обсуждали да примеряли. Тамара индифферентно относилась к коробейникам и предлагаемым товарам, с полки ни разу не спустилась навстречу потенциальной обнове. Зато Мария оказалась на покупки азартной. Из сдержанной женщины при виде баулов торговцев приходила в нетерпеливое возбуждение.

– Поющий, хрусталь! Поющий хрусталь! – звучала реклама в коридоре. Мария вскакивала навстречу, распахивала дверь купе:

– Что у вас?

Люся пыталась ей втолковать, что не поющего хрусталя нет, надо умело провести пальцем по краю, скажем, фужера и он запоёт как миленький. Всего-то ловкость рук.

– Нет-нет, и не говорите, девочки, это особый хрусталь, – возражала Мария, накупив наборы рюмок, фужеров.

К её многочисленным сумкам прибавились коробка с чайным сервизом, ваза цвета «отражённого солнца в вечерней воде». По сумкам распахивались халаты для родственниц, косынки для дочек. При этом каждый раз начиналось оханье, «как я это понесу, если не встретят». Но покупала...

Не томились длинной дорогой женщины. Затейница Люся умудрилась даже танцы устроить. Пусть без кавалеров танцевали «девчонки»... На второй день поездки, ближе к вечеру, Люся засуетилась:

– Девочки, лучше водки что? Правильно – хуже нет! Сейчас будет станция, там пиво бутылочное хорошее продают, настоящее! Предлагаю скинуться по чуть-чуть и устроить ужин без свечей, но с пивом!

Тамара, как всегда, пыталась отказаться, да против Люси нет приёма. Взяли легкоалкогольный напиток из расчёта по бутылке на брата, точнее – на сестру. С приобретением одного Люся предложила:

– Девочки, давайте сделаем крошечку! Ветчина, есть, лучок, огурчики, вместо кваса – минералка...

Окрошка пошла на ура, а на десерт – пиво в рассидочку под стук колёс. Дивный получился вечер – состав к морю неутомимо мчится, за окном лето в разгаре... Поездной связист будто почувствовал момент – включил летящую музыку. Люся подскочила на первых тактах:

– Девочки, танцы, танцы, танцы!

– Да ну ты чё? – сказала Мария.

– Ничего не знаю, душа просит!

Танцзал квадратными метрами не отличался, однако вдвоём вполне можно делать па между сиденьями. Одна Тамара отказалась спрыгивать со своей полки под ритмы музыки.

– У тебя скоро пролежни будут, – предупредила Люся, легко двигаясь в такт музыке.

Ей пролежни не грозили. Как и Лене, которая тоже не смогла усидеть под зажигательную музыку.

Даже Мария подвигала габаритными бёдрами.

– Сколько живу, в поезде ещё не танцевала! – смеялась над собой.

Завершились танцы хоровой песней. Из динамика полилось:

*Зачем вы, девочки, красивых любите?
Непостоянная у них любовь.*

Купе (кроме Тамары) дружно подхватило. На втором куплете раздался стук в дверь, заглянули два милиционера. Подозрительно осмотрели стол, на котором кроме минералки ничего не фигурировало, скользнули натренированными взглядами по лицам пассажиров, извинились и ушли.

– Испортили песню, – весело крикнула им в след Люся.

Однако испорченную песню купе всё равно до конца допело.

В программе дорожных развлечений было хоровое разгадывание кроссвордов, но более интересным номером шли Люсины рассказы из личной жизни, полной сердечных, семейных и других драм:

– Сын мой, Роман, женился, а сам почти капитан дальнего плавания – по вахтам ездит. Жена – яркая, гонористая. Роман тоже не замухрышка – фигуристый, плаванием занимался, бальными танцами одно время... Видный парень. На танцах и познакомились. Говорила ему: ты или с вахтами завязывай, или не торопись с женитьбой. Разве они послушаются. «Чё ты, мама, понимаешь? Мы любим друг друга». Куда уж маме-то тёмной, всего одно высшее образование, понимать? Он, как капитан дальнего плавания, месяца на два уедет, она одна, а мужикам только подмигни. Да и мигать-напрягаться не надо, всегда охочие найдутся. Невестка родила, гляжу – не его ребёнок. Роману ничего не сказала, думаю, как знаешь, вам жить. Вдобавок ещё одна беда – ДЦП у внука. Невестка, изнеженная цаца, не разбежится спасать мальчишку. А тут каждый день дорог. Думаю, мой не мой внук – надо впрягаться. По каким санаториям только не возила Максима – минеральные ванны, грязи, массаж. Лето подходит, увольняюсь с работы и еду с ним на три-четыре месяца. Правдами и неправдами устраивала его в санаторий, сама туда же просилась нянечкой или техничкой. На любые деньги, только бы рядом. Вытащила – пусть на костылях парень, да не в коляске. И умница – в институт поступил.

– Так и считаешь, – спросила Мария, – не твой внук?

– Конечно, с возрастом вообще никаких сомнений не осталось – нисколько на Романа не похож.

Сердечные дела оставались особой темой Люсиных дорожных рассказов. Целый сериал с продолжением получился о лётчике, неотразимом подполковнике.

– В отличие от фальшивого песенного полковника Алки Пугачёвой, – с гордостью провозглашала Люся, – мой – настоящий. Пусть на тот момент до полковника одной звезды не хватало, а всё равно кавалер так уж кавалер. Во всём офицерская косточка. Прадед ещё в царской армии служил, дед и отец тоже офицеры. Какие букеты дарил! В каждом непременно записка. Пусть не в стихах, зато слова такие, что сердце воском таяло. С кем только меня не сравнивал – серна, лань... Я сейчас в узел завязываюсь, тогда и подавно пантера гибкая... Сотовых ещё не знали, бац – звонок в дверь, срочная телеграмма: «ВОСЕМНАДЦАТЬ НОЛЬ-НОЛЬ РЕСТОРАН МАЯК ЖДУ ЛЮБЛЮ ТЧК». Накануне договорились о встрече у ресторана, всё равно телеграмму отбивает. Через день присылал.

По рассказам Люси, летали они в Сочи, на Рижское взморье. А потом лётчика перевели на Камчатку.

– Звал с собой. Да как я могу сорваться, куда Макар телят не гонял? Внука с ДЦП на невестку оставь – завалит всё лечение. Выть хотелось от обиды, а пришлось отказать. На следующий день прислал обалденный букет роз, впервые без записки, и улетел, не попрощавшись, адреса не оставил. Полтора года на одном дыхании, и всё испортил. Может, я бы к нему в гости собралась... Все они мужики одним миром мазаны...

Шла последняя ночь путешествия. Поезд, съедая километр за километром, летел по темноте. Основная часть пути осталась за последним вагоном, а те несколько сот километров, что нужно было пройти до вожделенного моря, по сибирским меркам – семечки. Над далёкой (теперь уже далёкой) омской землёй начинал алеть восток, а здесь ещё царила южная ночь. Темнота пахла степью и становилась совсем густой, когда на луну набегали тучки. Электровоз с прожектором во лбу раздвигал перед собой ночь, держал в раструбе света параллель из двух железных линий, перечёркнутых шпалами. Колёса убаюкивающе стучали на стыках, пассажиры спали в предвкушении скорой встречи с морем.

В нашем купе в кромешной темноте (темноту ночи за окном усугубляла опущенная шторка) вдруг раздалась всхлипывания. Лена услышала их и тут же заснула (что значит молодой организм), однако вскоре проснулась от обеспокоенного шёпота

– Томсик, что с тобой?

– Всё хорошо! Не беспокойся, спасибо, – сказала Тамара и расплакалась пуще прежнего, уткнувшись в подушку.

– Всё, – громко скомандовала Люся, – слезай и рассказывай! Девочки, подъём!

Люся включила ночник, подняла шторку. Светлее не стало, разве что редкие огоньки, изредка мелькавшие за окном, создавали иллюзию расширения пространства купе. Через пять минут все четверо сидели на нижних полках.

Всхлипывая Тамара произнесла:

– Мама-покойница опять приснилась.

– Давно умерла? – спросила Лена.

– Убили...

– Как убили? – подалась вперёд Мария и захлопнула рукой рот, будто вымолвила непотребное.

– Муж убил, – вытирая слёзы, пояснила Тамара.

– Отец? – удивилась Люся.

– Да нет – второй муж.

И начала рассказывать:

– Мама была очень красивой... – Тамара привстала, сунула руку под подушку, достала книжку, из неё фото. – Вот.

На набережной широкой реки стояла женщина в соломенной шляпке, лёгком в талию крепдешиновом платье, от порыва ветра придерживала подол рукой.

– Красивая, – оценила Лена.

– Это она в Ульяновске, – сказала Тамара, – на берегу Волги.

– Эффектная, ничего не скажешь, – поддержала мнение Тамары Люся и определила. – Не размазня, с характером.

– Точно, – подтвердила Лена. – А ты как догадалась?

– И гадать нечего – видно!

– Ну-ка, ну-ка, – снова взяла фото Мария, поднесла к глазам. – А я ничего не вижу, женщина как женщина.

– Люся права, – вернула фото в книжку Тамара, – властная, своенравная. Отец любил её, она этим пользовалась и вертела им. Знаете, когда и в шапке дурак, и без шапки дурак. Терпел все её выходки, капризы. Изменяла, что тут скрывать. Повезла меня в Сочи, ещё до школы, мне шесть лет. Тогда-то я не понимала, а потом въехала. Познакомилась с мужчиной, тоже с ребёнком отдыхал, мальчишка на год старше меня... Всюду ходили вместе – на пляж, в кино, в парк... Но, бывало, оставляли нас у хозяйки, сами куда-то исчезали... Отец всё прощал, да вдруг она бросает нас. Мне двенадцати не было, брат во втором классе. Заявила, что встретила красивого умного мужчину, жить без него не может. Любовь неземная. Он был младше мамы на десять лет. Отец не пускал, умолял, просил образумиться, ругался. Она тайком собрала вещи и, пока никого не было дома, ушла. Жила с этим умным да красивым в частном доме. Как жила, толком из родных никто не знал.

– Я этого не понимаю, – резко произнесла Люся. – Ладно, все мы не без греха, но детей-то зачем бросать!

– Моя бабушка говорила: «Ты хоть как поживи, но детей не сироти!» – сказала Мария

– Отец ещё раз женился? – спросила Люся.

– Один воспитывал нас, ещё мамина мать помогала, бабушка наша. С мамой в детстве у бабушки виделись, туда я приводила брата. Мама всегда нарядная, весёлая, обязательно подчеркнёт, что живёт прекрасно. Отец так и не женился, ни когда мы маленькие были, ни позже. Любил её.

– Вот это мужик, – сказала Люся, – не стал вас и дальше сиротить.

– Бывает, и с мачехой живут хорошо, – сказала Лена.

– Не-не-не! – решительно не согласилась Люся. – У них тогда и отца нормального не было. Ему пришлось бы разрываться между

детьми и мачехой, в итоге ни то, ни сё. Молодец мужик. Уважаю! Не знаю, какой был муж, но отец – да!

– А если это любовь! – встала на защиту Лена. – Встретила того единственного... А с мужем – ошибка... Неужели человек не имеет право на любовь, высокое чувство...

– Ага, любовь-морковь – детей об стенку. Не признаю такое «высокое чувство»! Зачем тогда детей заводите без этой самой смертельной любви...

– В последнее время мама часто снится, – захлопала носом Тамара.

– Ты сходи в церковь, закажи панихиду, – посоветовала Мария. – Свечку поставь, сама помолись. Плохо ей там, вот и просит тебя.

– Зато здесь хорошо было, – жёстко сказала Люся.

– Ты интересная, – возразила Мария, – сама говоришь, что замуж выходила и будешь выходить...

– Я сына не бросала! Только когда он техникум окончил и в армию ушёл, нагнала мужа, к свекрови отправила. Пьяницы кусок, сидел у меня на шее.

Лена засуетилась с чаем. Первыми взяла чашки Тамары и Люси, отправилась к титану.

– Она и вторым мужем помыкала, – рассказывала Тамара. – Детей не захотела больше. Он-то мечтал о ребёнке, это мне бабушка рассказывала, она – «больше рожать не буду». Дескать, хватит. Ездил в Египет, Турцию, Испанию. То с ним, то одна. Восьмого марта к нам пришёл участковый и сообщил, что маму обнаружили убитой.

– Сразу убийцу взяли? – не сдержала любопытство Мария. – Не сбежал?

– Они жилив частном доме, он её просто-напросто забил.

– Как это забил? – опять захлопнула рот ладонью Мария.

– Табуреткой или чем...

Тамара расплакалась. Женщины начали успокаивать...

– Ни одной целой косточки, – говорила сквозь слёзы Тамара. – Ни одной. С остервенением колотил, колотил... Будто копил в себе злость, а тут выплеснул... Когда забирали, повторял: «Что я наделал?! Что я наделал?!». Признали вменяемым...

– Стерва твоя мама, – безжалостно заключила Люся. – Довела мужика.

– Мать – она всё равно мать, – возразила Мария.

– Бедно мы жили, – вытирала слёзы Тамара. – Годы трудные, отцу непросто приходилось. Я после школы учиться не пошла, проводницей с восемнадцати лет мотаюсь. Брату помогала, пока техникум не окончил. У него все хорошо. Жена путная, сын

растёт. А у меня муж игрок, всё на автоматах просаживает. Одна дочь тяну. – Вдруг Тамара с вызовом произнесла: – Дочь моя ни в чём нуждаться не будет. Себе норковую шапку и ей. Себе дублёнку и ей.

Тамара снова разревелась.

– Свечку матери обязательно поставь, – твёрдо сказала Люся, – но убиваться не стоит. Вы, девочки, что хотите говорите, не стоит такая мать слёз. Никого она не любила – ни мужей, ни мужчин, только себя.

– Мать какая ни есть, другой не будет, – гнула свою линию Мария.

– Кукушка она, – перебила Люся, – вот Тамара – мать. И жена. Ни мужа не бросает, ни дочь. Хотя такого можно погнать в три шеи.

За окном тьма начала редеть. Солнце несло свой факел над страной, уже вспыхнуло утро в Сибири, а часа через два золотые лучи догонят наш поезд, коснутся поверхности моря.

– А знаете, девочки, – вдруг соскочила с сиденья Люся и нырнула под стол к пакету с едой, – лучше водки хуже нет! Я тут заначила на прощальный обед. Так мы его прямо сейчас и устроим.

Люся выхватила из чрева сумки 250-граммовую бутылочку коньяка, водрузила на столик, и начала метать закуску. Засуетились у своих сумок остальные женщины. Вскоре столик ломился от еды.

– Давайте, девочки, выпьем за наше женское счастье, – разливая коньяк в металлические рюмочки, предложила Люся. – Чтобы дети, внуки, любовь, здоровье...

– Всё одолеем с Божьей помощью, – поддержала Мария. – Что мы – не бабы.

Они посидели с полчаса, а потом Люся скомандовала:

– Девочки, надо поспать, чтобы у моря выглядет на все сто и все мужики были наши!

Они улеглись...

Экспресс летел по предутренней свежести к конечной точке путешествия, к долгожданному тупику, где обрывались струны рельсов, где море решительно преграждало путь наземному транспорту. Его чаша лежала в ожидании солнца нового дня, в отдыхающих из сибирского экспресса, «девчонок» нашего купе...

В заключение рассказа расставим все точки. Следует честно признаться, «умеющая ездить в поездах» Люся оказалась отчаянной фантазёркой. Не было в её биографии сына, гулящей невестки и внука-инвалида, которого героическими усилиями подняла на ноги. Эту историю Люся почти один к одному «списала» со своей сестры. Лётчик имел место, но служил в ВВС не пилотом, а штурманом и не подполковником, а майором. Букеты дарил всего два раза, записки в них не вкладывал. Скорую телеграмму посылал однажды на

Восьмое марта, потому как забыл поздравить вовремя. Люся очень хотела поехать с ним на Камчатку, но, во-первых, он улетел в Читу, а во-вторых, не пригласил с собой.

Что касается другой пассажирки – Лены, она под воздействием чарующего морского воздуха, под шелест набегающих на гальку волн влюбилась по уши в Олега – программиста из Екатеринбурга. Смерть как влюбилась. Чувство было взаимным. Расставались влюблённые под кипарисами со слезами, клятвами, и договорились в конечном итоге, что Лена разводится с мужем, забирает сына и едет к Олегу в Екатеринбург. Он год как свободен, с женой развёлся, квартира есть. Всё отлично. Живи да радуйся.

Однако в летящем из морского тупика в сибирские дали экспрессе Лена задумалась. Возвращалась домой тоже вкупе сугубо женского состава, да на этот раз умеющих ездить, наподобие Люси, не оказалось. Каждая попутчица сама по себе. Лена чаще лежала на верхней полке читала книгу и думала-думала: что делать? Как поступить? Новый знакомый был пределом мечты – эlegantный, с породистым лицом, благородными манерами. Сила, нежность, ум, сумасшедшее обаяние, от которого сердце таяло, ноги подкашивались. Всё в программисте лучше не надо, кроме... Ах, уж это «кроме»... Имел он в истории семейных отношений два брачных союза, заключённых и расторгнутых. То и дело к Лене стала приходить мысль: не будет она продолжением невесёлого списка? Наверное, предыдущих жён тоже любил беззаветно. Поезд мчался всё дальше от субтропических красот, Лене вдруг пришёл на память ночной разговор в экспрессе морской направленности. Вспомнила жуткую историю Тамары, категоричные комментарии Люси, слова Марии: «Ты хоть как поживи, но детей не сироти». «Хоть как» не хотелось, нет, хотелось счастья, любви, слаженно поющих сердец...

Программист каждой из двух жён оставил по сыну... Под кипарисами об этом не думалось, на вагонной полке при сопоставлении некоторых деталей напросился вывод: чувством отцовства к родным детям Олег не страдал, что говорить о чужом...

В шести часах пути до Омска, в Ишиме, гуляя по перрону, Лена окончательно решила: пусть сумасшедший месяц у моря останется красивым курортным романом. Не поедет она в Екатеринбург с сыном и чемоданами. Не поедет. Извлекла из телефона ту из двух симок, которая связывала с Олегом, и выбросила в урну. Умела Лена рубить канаты... Правда, через минуту в поезде накатили слёзы, закипели горечью, ну а что вы хотели – не так всё просто в этой жизни...